

СТАЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА

Марина Кошкина

Марина Кошкина
Стальная Олимпиада

«СУПЕР Издательство»

2025

Кошкина М. И.

Стальная Олимпиада / М. И. Кошкина — «СУПЕР
Издательство», 2025

ISBN 978-5-9965-2347-4

«Стальная Олимпиада» — это пронзительная история о жизни Олимпиады Борисовны Стальной, старейшего педагога одной из московских школ, чья судьба тесно переплетена с историей страны. Родившаяся во Франции в семье русских эмигрантов, Олимпиада прошла через испытания войны, репрессии и потерю близких, но сохранила верность своим принципам и профессии. Ее жизнь — это история о преданности делу, о борьбе за справедливость и о неизменной любви к детям, которых она учит уже более семидесяти лет.

ISBN 978-5-9965-2347-4

© Кошкина М. И., 2025
© СУПЕР Издательство, 2025

Марина Кошкина

Стальная Олимпиада

*Ушедшей старой гвардии —
учителям советской эпохи
с уважением и благодарностью*

Сон всё не шел. За окном тяжело вздыхала ночь, вздымала пожелтевший тюль у открытой настежь форточки. Легкий ветерок, залетая в комнату, приносил зябкую свежесть – Олимпиада дрогла, плотнее заворачивалась в одеяло, но даже не думала о том, чтобы прикрыть окно. Она всю жизнь спала в холоде – так было положено, так приучили ее родители. Родители строго смотрели со старой фотографии на стене – молодые, довоенные, только-только вернувшиеся в страну.

Олимпиада родилась во Франции. Дед ее, Иннокентий Стальной, штабс-капитан Керченского гарнизона, и отец, 20-летний тогда штык-юнкер Борис, были среди тех, кто организовывал эвакуацию донских и кубанских казаков из Керчи – вместе с ними последним судном покинула Керчь и семья штабс-капитана. Осели Стальные в Париже, где спустя десять лет у женившегося Бориса родилась девочка Олимпиада. Отец ее был неисправимым романтиком и потому – одним из главных вдохновителей парижского Союза возвращения на родину. В тридцать первом году с молодой женой и годовалой крошкой на руках он вернулся в Советский Союз. Почему сразу по прибытии он не попал в лагерь и даже не пополнил число «лишенцев», каковыми, как правило, становились все военные реэмигранты, объяснить трудно – может, потому, что вернулся Борис Стальной грамотным специалистом в области проектирования гидросооружений и оказался полезен стране, которая в те годы увлеченно прокладывала водные артерии, превращая столицу в порт пяти морей.

По той же причине без малого восемь лет инженер Стальной ударно трудился в управлении строительства канала Москва – Волга. Его уважали – эта квартира, в которой теперь доживала свой век Олимпиада, была получена отцом в тридцать пятом. К своему удивлению, Олимпиада помнила, как они заезжали в новый дом, помнила свою радость от обретения собственного угла: волнующий запах натертого мастикой паркета, дрожащий солнечный луч, падающий из окна прямо в корзину с игрушками, и собственный стол, за которым можно было рисовать, не опасаясь испортить красками важные отцовские документы. Квартира, хоть и отдельная, была нетиповой и на редкость бестолковой по планировке – видно, по этой причине и простояла опечатанной целых пять лет после того, как осенью тридцать девятого из нее увезли отца, а вслед за ним и мать. Девятилетнюю Олимпиаду тоже забрали из дома и поместили в приют, откуда спустя два года вместе с другими детьми вывезли в эвакуацию в Свердловск – немцы тогда уже стояли под Москвой. А еще через три года, в мае 44-го, когда детдом коллективно возвращался в Москву, Олимпиада с двумя пацанами сбежала прямо из поезда при краткой его стоянке в Ярославле – все трое рвались на фронт. До фронта беглецам добраться не удалось, а вот домой Олимпиада вернулась. Их квартира оказалась цела, но не это было главным чудом – чудом было то, что никто так и не позарился на их нелепый, тесный, в сравнении с другими квартирами, закуток в престижном совнаркомовском доме. Ну, а самым главным чудом, как Олимпиада поняла много позже, оказалось то, что в детдом ее не вернули, а, напротив, спустя некоторое время прописали в родительской квартире – впрочем, этим она была обязана своей соседке, влиятельной совнаркомовской жене, которая к тому времени уже полгода как вернулась из эвакуации.

Олимпиада тяжело повернулась под одеялом – натужно скрипнули под ней натруженные пружины старой кровати. Из темноты проступали очертания довоенного мамино трюмо – многие вещи она сохранила с тех еще, давних родительских времен. Много в ее доме хранило

память о родителях: старые французские книги, которые никто никогда не читал, стройные высокие вазочки из цветного стекла, какие-то мамы кружевные жабо, бессмысленные в реалиях советских буден, фотографии незнакомых родственников в резных деревянных рамках. Ни муж, ни повзрослевший сын не посягали на эту память. Но главное, что досталось Олимпиаде от родителей – это твердый семейный характер, начало которому положили слова отца, навсегда ушедшего от нее в октябрьскую ночь тридцать девятого года. Последнее, что он успел сказать, целуя на прощанье их с матерью: живите, как должно, и будь, что будет... Как должно – именно так Олимпиада и жила всю свою жизнь: никого ни в чем не винила, ни у кого не одалживалась и всегда твердо знала, что при любых обстоятельствах, без раздумий и сожалений, поступит так, как велит ей совесть и ее личное представление о долге.

Бледный свет фонаря, просачиваясь сквозь старый тюль, сеточкой ложился на молодые лица родителей, глядящих со стены. В тишине громко тикал будильник. Сон не шел. Олимпиада вздохнула и, приподнявшись на высоких подушках, потянулась к ящику прикроватной тумбочки – за снотворным. Надо заснуть, обязательно надо заснуть – вставать завтра рано...

Олимпиада Борисовна Стальнова, старейший педагог одной из школ Центрального округа, на службу являлась одной из первых. Ее высокая костистая фигура, облаченная в выдающуюся виды цигейковую шубу и каракулевую шапку образца семидесятых, возникала на пороге школы не позднее половины восьмого утра. Олимпиада любила приходить рано – неспешно следовала в учительскую раздевалку, усаживалась на стул, переводила дух, без суеты переобувалась в удобные кожаные тапочки... К тому времени, когда в раздевалке появлялись ее коллеги, она была уже полностью готова к рабочему дню: шуба ровно висела на плечиках, воротник блузки расправлен, и седые волосы аккуратно причесаны. Олимпиада степенно покидала раздевалку и направлялась к лестнице, начиная непростое восхождение на свой высокий четвертый этаж.

Детское многоголосье, обычное для начала учебного дня, уже всюду звенело на школьной лестнице. Олимпиада, посетив по дороге учительскую, с журналом под мышкой поднималась к себе – по обыкновению внимательно глядя под ноги. По ступеням, обгоняя ее старые тапочки, резво бежали нарядные диснеевские босоножки, модные мокасины, изящные балетки, дорогие, под сорок пятый размер, кроссовки. То и дело слышались голоса обгонявших учительницу:

– Здравствуйте, Олимпиада Борисовна!

– Доброе утро, Олимпиада Борисовна!

– Приветствую, – не слишком ласково отзывалась учительница.

– Здравссьте... – ее обогнали лакированные остроносые мужские туфли.

– И вам не хворать, – недобро хмыкнула вслед Олимпиада, оскорбленная столь концертной, неподобающей учебному заведению обувью.

«В наше время в таких ботинках появлялись только на эстраде», – подумала она и, преодолев еще один пролет, задержалась на площадке у высокого окна – давала о себе знать только что подправленная больничным немощь, заставившая неделю отсидеть дома по подозрению на гипертонический криз. До искомого четвертого оставалось ещё полтора этажа, а дыхание уже сбилось и сердце требовало передышки. Прозвенел первый звонок – в школе, как в театре, в начале дня давали два предупредительных звонка. Мимо, шустро промахнув сразу пол-лестницы, проскочила молоденькая учительница Нина Сергеевна – и тут же, остановившись, непременно обернулась к Олимпиаде, отдыхающей после подъема.

– Вам плохо, Олимпиада Борисовна?

– Не дождётеесь! – фыркнула та. Нина Сергеевна, дёрнув плечиком, уже через секунду скрылась за стеклянными дверями этажа, а Олимпиада, вздохнув, продолжила своё восхождение.

Добравшись до четвертого этажа, она миновала рекреацию и под трель последнего звонка уже приближалась к своему кабинету, когда дверь ее класса вдруг распахнулась, и из него выскочила длинноногая старшекласница.

– Здравсьте!

– И вам здравсьте, – отозвалась учительница и остановила уже побежавшую куда-то ученицу недоуменным вопросом: – А вы тут, позвольте спросить, зачем?

– Я? Я за журналом! – невпопад ответила старшекласница и тут же умчалась, провожаемая удивленным взором учительницы.

Из дверей кабинета выглянула молоденькая Нина Сергеевна.

– Олимпиада Борисовна, а вам же... – начала она и смолкла, смешавшись под строгим взглядом старой учительницы.

– И вы тут? Отчего в моем кабинете?

– А вам не сказали? Вам же поменяли кабинет, вы теперь на пятом, вместо ОБЖ.

– Что за ерунда? Почему литература в кабинете ОБЖ?

– Не знаю, – виновато потупила взор Нина Сергеевна, – но здесь теперь информатика. Уже неделю – с начала четверти. Вы просто болели...

– А меня, значит, на чердак?

– Извините...

Не дожидаясь соболезнований, Олимпиада круто развернулась и поплелась назад, к лестнице. Ноги ее в старческих тапочках тяжело ступали по паркету – Нина Сергеевна с сочувствием глядела ей вслед.

– Олимпиада Борисовна!

Олимпиада обернулась.

– Мы ваших классиков... ну, портреты... там, в ОБЖ, к стенке поставили.

– Ну, а куда ж их, кроме как в расход, – буркнула Олимпиада, сворачивая за угол рекреации, – поэты же – не компьютеры...

Почти поднявшись на пятый этаж, Олимпиада увидела Настю – чернобровая нянечка-хохлушка, в последний раз мазнув тряпкой по стеклу двери, ведущей с лестницы на этаж, поспешно подхватила ведро и быстро, расплескивая воду, побежала вниз по ступеням. На стекле за ее спиной переливались оставленные тряпкой разводы.

– Доброго ранку! – кивнула она, пробегая мимо.

– Постойте, Настя!

Настя, притормозив, вскинула на Олимпиаду простодушно удивленный взгляд.

– Это, по-вашему, работа? – Олимпиада указала на небрежно протертое стекло.

– Та шо там... Подумаешь!

Носик Насти недовольно сморщился, но, тем не менее, она послушно вернулась на этаж и под строгим взглядом учительницы наскоро, оставляя новые разводы в новых местах, протёрла дверное стекло.

– Ось!

И не дожидаясь вердикта своей деятельности, снова кинулась вниз – молодо перескакивая через ступени.

– Вернитесь! – голос Олимпиады был арктически холоден.

Настя замерла, повернулась к учительнице, но вверх подниматься не спешила.

– Вернитесь и выполните работу как должно.

– Та Олимпиада ж Борисовна! – захныкала Настя. – Я же ж после усё протру. Мне зараз дуже николи!

– Что значит некогда? – изумилась учительница. – Вы на службе.

– Та мне ж к дитине треба. Груддю годувати...

– Если вы кормящая мать, работать надо не в школе, а в доме младенца! – отчеканила Олимпиада.

Растерянная Настя, помешкав, нерешительно поднялась на пару ступенек, и Олимпиада, не дожидаясь ее, продолжила свой путь к классу. Настя же, увидев, что вредная старуха скрылась в дверях этажа, тут же, махнув рукой, стремительно побежала вниз по лестнице.

А Олимпиада уже открывала двери с табличкой ОБЖ. Первое, что она увидела, войдя в кабинет, были портреты литераторов: любимые ее Пушкин, Толстой и Маяковский сиротливо стояли вдоль стены, на которой были щедро развешаны плакаты, обучающие спасать утопающих, накладывать шину и делать искусственное дыхание. Класс при виде учительницы завозился, вставая, сдержанно загомонил. Такая, непривычно умеренная, реакция пятиклашек удивила Олимпиаду – она подняла глаза от классиков и сразу увидела у доски завуча Зою Михайловну.

– Ну, вот и Олимпиада Борисовна, – холодно откомментировала та и, демонстративно посмотрев на часы, кивнула классу: – Садитесь и открывайте тетради.

Олимпиада двинулась к столу у окна – опытное учительское ухо чутко улавливало рабочий скрип парт, шорох открываемых книг, чьё-то недовольное: «А у нас литература...». На полпути к доске, в проходе между ученическими столами, Олимпиада встретила с Зоей Михайловной, которая направлялась к выходу.

– Меня не предупредили... – тихо сказала ей Олимпиада.

Приходилось оправдываться, и Олимпиада была себе неприятна.

– Начинайте работать, Олимпиада Борисовна, – недовольно отозвалась завуч и продолжила путь к дверям. Олимпиада машинально проводила взглядом её раздобревшую фигуру и вдруг вспомнила завуча шестнадцатилетней: с заносчиво задранной носом, фигуристую, манкую для мальчишек-одноклассников, скрывающую за напускной уверенностью неловкость тайных девичьих комплексов. Третий Олимпиадин выпуск, 1974 год... Зоя Михайловна и в ученицах была неформальным лидером класса, хотя никогда не рвалась на комсомольско-общественные должности – усердно готовилась в институт. Помнится, поступила в строительный... И вот же судьба: после перестройки жизнь занесла ее в родную школу преподавателем математики. Только с тех пор прошло уже немало лет – Зоя давно завуч и не даёт уроков.

Олимпиада, добравшись до окна, уселась за стол и открыла журнал класса.

– Горячев!

Оторвавшись от недр дорогого яркого ранца («ранцы» – так по старинке величала Олимпиада нынешние ученические рюкзаки), Валера Горячев поднял на учительницу настороженные серые глаза.

– Чего?

Волосы Горячева, намертво схваченные гелем, вызывающе торчали надо лбом.

– Ни «чего», а «что», – сухо поправила Олимпиада. – И извольте встать, когда вы разговариваете с учителем.

Горячев нехотя выполз из-за парты и насуплено глянул на учительницу.

– Я просила вас посетить парикмахерскую.

– Я был.

– Это там вас так причесали?

Горячев демонстративно заскучал, с подчеркнутым равнодушием поглядывая по сторонам.

– Больше в таком виде на урок я вас не пушу, – подытожила Олимпиада и потянулась к сумке за потрёпанным сборником басен Крылова. – Идите отвечать.

Горячев, шумно вздохнув, вразвалку направился к доске. Вслед ему фыркнул кто-то из одноклассников:

– Бурагино!

- Между прочим, эта стрижка три семьсот стоит! – тут же завелся Горячев.
- Врешь! – бурно отреагировал на новость Мишка Любимов, от возмущения приподнявшись над партой.
- Ничего не вру, – задержавшись рядом с Мишкой, парировал Горячев, – просто это вип-салон!
- Прекратить посторонние разговоры! – застучала указкой по столу Олимпиада. Горячев добрался, наконец, до доски и встал со скучающим выражением лица.
- Крылов, «Квартет», – напомнила Олимпиада. – Мы слушаем, Валера, читайте.
- Горячев, собираясь с мыслями, переступил с ноги на ногу и вознёс взор к потолку – Олимпиада терпеливо ждала. Неожиданно взгляд ее упёрся в подозрительно оттопыривающийся лацкан ученического пиджака – прямо над нагрудным карманом рубашки.
- Что это у вас в кармане? – насторожилась учительница.
- Ничего, – недовольно забубнил Горячев.
- Сигареты? – догадалась Олимпиада. – Этого ещё не хватало! Немедленно выкладывайте!
- Чего это? – возмутился мальчишка. – Не имеете права!
- Это не его, – с первой парты за Горячева жарко вступилась Таня Петрова, рассудительная умница и школьная активистка. – Это его из 11-го «А» просят! Он им на перемене в ларьке покупает – за сдачу.
- Горячев быстро посмотрел на Таню – и та, беленькая, светловолосая, мгновенно зарделась и спрятала глаза.
- Продолжаете заниматься коммерцией? – Олимпиада раздражённо отодвинула книгу и тяжело поднялась над столом. – С ларьком я разберусь...
- Учительница выпрямилась, вышла из-за стола и с легким презрением посмотрела на Горячева:
- Зачем вам деньги? Чего вам не хватает? Стрижка, вон, за три тысячи...
- Горячев пренебрежительно фыркнул и отвернулся.
- Сигареты на стол! Быстро! – потребовала Олимпиада.
- Но Горячев совершенно не собирался исполнять распоряжение учительницы, хотя та, стоя рядом, терпеливо ждала добровольной выдачи сигарет.
- Горячев, я жду.
- Мальчишка даже не пошевелился. За партами раздались сдержанные смешки, и это вынудило Олимпиаду перейти к активным действиям.
- А ну-ка... – распахнув форменный пиджак Горячева, она ухватилась за плотно сидевшую в кармане сигаретную пачку.
- Вы что? – уворачиваясь, заверещал Горячев. – По карманам лазить?
- Извольте отдать сигареты, – не уступала учительница.
- Это не ваше! – продолжал протестовать мальчишка. – Не имеете права!
- Горячев рванулся – треснула тонкая ткань дорогой иностранной рубашки, и на месте, где только что был нагрудный карман, образовалась вызывающая дыра. Длинный лоскут рубашечной ткани повис почти до пояса горячевских брюк.
- Порвали! – заголосил возмущенный насилием Горячев. – Да она двести евро стоит! Отец из Милана привез! А вы порвали!
- Класс замер. Олимпиада была смущена – причина раздора, золотистая пачка «Мальборо», осталась у нее в руке. Учительница молча кинула сигареты в кучу ученических тетрадок на своем столе и гордо выпрямилась.
- Я приношу свои извинения...
- Да на фиг мне ваши извинения! – не пожелал слушать её Горячев и ринулся к своей парте. – Я отцу скажу, он к директору пойдет!

– Вот и прекрасно, – не сдавалась обескураженная Олимпиада. – Давно пора побеседовать с вашим родителем.

Старая учительница чувствовала себя гадко: как низложенный флаг ее педагогических усилий болтался под ученическим пиджаком дорогой лоскут иностранной ткани. Заломило в висках и знакомо подступил к лицу жар – явно поднялось давление. «Вот ведь... Связался чёрт с младенцем...»

– Отец вам покажет! – не унимался несносный Горячев, лихорадочно заталкивая в рюкзак учебники и тетради. – Он в школу три компьютера привез! И деньги на ремонт дал!

– Поэтому вы самовольно покидаете класс? – сухо осведомилась учительница. – Вы не ответили урок.

– Не буду я ничего отвечать, – злобно огрызнулся мальчишка.

– Я поставлю вам «два».

– Да хоть ноль! Вы еще пожалеете!

Затолкав в рюкзак своё имущество, Горячев кинулся к выходу, но у дверей обернулся и нагло, с вызовом глянул на учительницу:

– Вот увидите – вас уволят! Я буду жаловаться.

– Жалуйтесь! В ООН! В Лигу Наций! – не сдержавшись, сорвалась в крик Олимпиада.

Дверь за Горячевым захлопнулась, дети притихли. Олимпиада вернулась к учительскому столу и тяжело опустилась на стул – рука сама собой нырнула в ящик стола в поисках обшарпанного цилиндрика с таблетками валидола. Но тут же учительница опомнилась: стол не ее, кабинет чужой...

– Продолжим урок...

Ближе к окончанию учебного дня, пообедав ученическим обедом, Олимпиада сидела за столиком школьной столовой, размешивая сахар в стакане с чаем. Напротив расположилась англичанка Евгения Самуиловна – вальяжная, добротнo ухоженная: кровь с молоком. Евгения Самуиловна была одной из самых благополучных преподавателей в школе: работала не за деньги, а затем, чтоб было что ответить супругу в случае, если тому вздумается упрекнуть её в лени или праздной жизни. Супруг Евгении Самуиловны был много ее старше – большой начальник советской закалки – и праздности не терпел. Достался он сорокапятилетней Евгении Самуиловне большим трудом, и рисковать из-за пустяков она не хотела. В школе к ней относились с вялым благодушием: никто не воспринимал англичанку всерьез – но и сама она ни на что особо не претендовала.

Сейчас она сидела напротив Олимпиады, обставленная тарелками с наполовину съеденной едой и, неловко отставив мизинец, пыталась разрезать ускользающий от ножа киви. Мизинец был украшен тяжелым дорогим перстнем – впрочем, все пальцы Евгении Самуиловны были чем-нибудь, да украшены.

– Вы, Олимпиада Борисовна, напрасно боретесь с этим Горячевым, – добродушно вещала Евгения Самуиловна: голос у нее был низкий и звучал бархатно. – Во-первых, у него крутые родители: папа-бизнесмен и мама тоже...

Киви, наконец, был распилен, и Евгения Самуиловна принялась освобождать ложкой его зеленую сердцевину.

– ...генеральская дочь, – продолжала Евгения Самуиловна, облизывая ложку. – Дед-генерал до сих пор в силе, крупной компанией руководит...

– Торгует, наверное, – со вздохом заметила Олимпиада. – Сейчас все чем-нибудь торгуют. Вот и Горячев тоже: то какие-то наклейки по пятьдесят рублей, то эти, как их... комиксы – по двести. Мелодии вечно из телефона в телефон... сливает?

– Скачивает, – подсказала Евгения Самуиловна.

– Вот, вот! И опять за деньги. Что за страсть такая? За тысячу рублей на спор съел два килограмма апельсинов...

– Это в конце прошлой четверти? – Евгения Самуиловна бархатно рассмеялась. – Помню, помню... Он тогда ещё сыпью покрывался. А я-то его домой отправила, думала, что инфекция! Значит, диатез?

– Не вижу ничего смешного, – Олимпиада неодобрительно посмотрела на Евгению Самуиловну, и та послушно смолкла, снова сосредоточившись на киви – однако приятная улыбка не покинула ее ухоженного лица. Олимпиада тяжело вздохнула:

– Что за время такое! Дети просто помешаны на деньгах. Никаких других интересов – ни книг, ни спорта...

– Именно, что время такое, дорогая Олимпиада Борисовна! – улыбнулась ей Евгения Самуиловна. – Деньги решают все. Это в ваше время все решали кадры...

Бросив взгляд по направлению к двери, Евгения Самуиловна вдруг засуетилась, отодвинула тарелку с киви и с преувеличенным вниманием принялась рыться в своей объемной сумке, на одной из ручек которой болтался кожаный лепесток, поблескивающий перекрещенными латинскими буквами – L и V. Олимпиада обернулась к дверям – в них заглядывала Нина Сергеевна.

– Олимпиада Борисовна! Евгения Самуиловна! – увидев, что на нее обратили внимание, призывно заговорила она. – Вы на педсовет-то идете? Уже собрались – ждут.

– Я – нет, – поспешно поднялась из-за стола Евгения Самуиловна. – У меня сегодня курсы повышения, я предупреждала. Уже убегаю!

– А вы? – Нина Сергеевна посмотрела на Олимпиаду.

– Иду, – откликнулась Олимпиада, – мне повышать нечего.

– Тогда поторопитесь, – попросила Нина Сергеевна. – А то все уже на месте.

– Лечу! – иронически заверила её Олимпиада и, поднявшись, начала аккуратно заворачивать в салфетку оставшуюся после чая половину песочного кольца. Евгения Самуиловна, подхватив сумку, кивнула Олимпиаде и унеслась мимо Нины Сергеевны на свои мифические курсы – та, чуть подождав для приличия, тоже исчезла из дверей столовой, ещё до того, как Олимпиада, сунув остатки кольца в кармашек жакета, уныло поплелась к выходу. «Опять будут распекать, – машинально подумала она. – За деньги или за телевизор... Может, не ходить? Сослаться на давление...» Сухое кольцо, завернутое в салфетку, похоже, перетиралось в кармане в мелкую крошку, и она почувствовала досаду: снова уступила устойчивой привычке голодного детства не выбрасывать никакую еду. «Старая дура, – привычно обругала себя Олимпиада. – Какого черта сидела с этой пингвинихой? Теперь иди, порть себе жизнь. И так осталось на пару вздохов...»

Педсовет уже шёл – Олимпиада, осторожно приоткрыв дверь, увидела рассеянные лица своих коллег: не сильно утруждаясь видимостью интереса к сути собрания, практически все косили глазом в смартфоны, упрятанные в тетради или лежащие на коленях. Стараясь не привлекать к себе внимания, Олимпиада тихонько просочилась в дверь и бочком двинулась к свободному месту за столом – рядом с бородатым физиком Вячеславом Сергеевичем. Учителя, в большинстве своём возмутительно молодые, от 25 до 40 лет, раскованные, стильно одетые, бросали на проходящую мимо старуху-учительницу насмешливо-одобрительные взгляды: мастодонт Стальнова была достопримечательностью их школы. Всеволод Сергеевич, притупив невольный вздох, при приближении Олимпиады встал и предупредительно отодвинул ей стул. Усевшись, Олимпиада поблагодарила его царственным кивком и прислушалась к словам директора.

Директор, сорокалетняя Ярослава Игоревна, подтянутая, с неуловимым, но притягательным шармом, заканчивала рассказывать о перспективах включения школы в экспериментальную образовательную программу округа.

– Сами понимаете, коллеги, это открывает возможности для получения статуса экспериментального лица, что, в свою очередь, дает нам шанс побороться за правительственный грант...

– Спасибо нашим спонсорам, – подала голос завуч Зоя Михайловна. – Благодаря им, мы преодолели многие испытания.

– «Преодолели испытания!» Господи! – не удержавшись, буркнула себе под нос Олимпиада. – «О великий, могучий русский язык! Как не впасть в отчаяние при виде того, что творится дома...»

– Что, простите? – повернулся к ней Вячеслав Сергеевич.

– Я говорю, можно выдержать испытания, – громким шёпотом пояснила Олимпиада. – Или преодолеть трудности...

– А-а... – не совсем поняв, протянул физик. Впрочем, Олимпиада уже отвлеклась – насторожившись, вся обратилась в слух: Ярослава Игоревна заговорила о введении в школе электронной формы отчётности.

– ... и, хотя закон позволяет школам сохранять бумажную форму журнала и дневников, думаю, пора переходить к более современному виду документов. Так что, коллеги, готовьтесь – с сентября будем вести электронные дневники. Экспериментальному лицу иное не к лицу, – улыбнулась директор.

– А если у родителей денег нет на компьютер? – подала голос Олимпиада.

– У нас нет таких родителей! – тут же ответила ей завуч. – У нас учатся приличные современные дети...

«Одна я тут неприличная и несовременная, – хмуро подумала Олимпиада. – Неужели компьютер осваивать на старости лет? Сумею ли?» Но тут её слуха достигло новое удручающее сообщение директора:

– И, пожалуйста, до конца учебного года потрудитесь полностью завершить оснащение классов. Проведите работу с родительским комитетом...

– Опять деньги собирать? – мрачно поинтересовалась Олимпиада.

Директор сочла за благо не услышать вопроса, но не такова была завуч Зоя Михайловна.

– Вы что-то сказали, Олимпиада Борисовна? Можете спросить вслух...

– Могу и вслух, – ворчливо отозвалась Олимпиада, – хотя спрашивают, должна заметить, именно вслух, по-иному не получается... Что вы подразумеваете под оснащением классов? Электрочайники? Новые телевизоры с этими, как их... «сидюками»?

Ярослава укоризненно взглянула на завуча: зачем? – но та только непримиримо дернула плечом. Народ оживился, загалдел: видно было, что позиция Олимпиады коллективу давно известна и вызывает широкий спектр эмоций: от беззлобных насмешек до сдержанных, но неприязненных возражений.

– А что плохого, если дети перед факультативом чаю попьют?

– Сидюки, Олимпиада Борисовна – давно прошлый век... Нужны плазмы с USB-входом, MP3 формат...

– Птичий язык, – растерялась Олимпиада.

– А я вообще считаю, что для родителей надо ежемесячный взнос учредить! – расправив могучие плечи и со значением поглядывая на симпатичную Ярославу, заговорил красавец-физрук. – А что? Вынесем на совет школы... Раз государство ничего не может – чего остается? Спасение утопающих всегда было делом самих утопающих! Я не прав, Ярослава Игоревна?

– Не горячитесь, Евгений Юрьевич, – притушила его пыл директор.

– Да если совет школы решит, куда Олимпиада Борисовна денется? – не соглашался физрук.

Олимпиада, несколько сконфуженная всеобщим отпором, тем не менее, старалась удерживать лицо:

– Зачем вам родительский сбор, если у вас спонсоры? Или перевелись?

– Но Олимпиада Борисовна! – неосторожно запротестовала директор. – Нельзя постоянно доить одних и тех же...

И тут же испуганно осеклась: всё! Выдернула чеку из гранаты... Старая учительница в раздражении поднялась с места.

– Доить, как вы изволили выразиться, вообще никого нельзя! – загремела она, монументально возвышаясь над столом. – У нас, если вы не забыли, бесплатное образование!

– Я хотела сказать, что есть родители, которые и так много делают для школы, – пробовала защититься Ярослава, но Олимпиаду было уже не унять.

– Спонсоров развели! – продолжала греметь она. – А вы знаете, что спонсорская поддержка непременно предусматривает встречную услугу? Вы загляните в толковый словарь! Спонсоры – не меценаты, они средства вкладывают в обмен на ожидаемую пользу.

– Ну, а куда ж без этого? – попробовал урезонить разошедшуюся старуху добродушный Вячеслав Сергеевич. – Взять хоть компьютерный класс – целиком его школьный бюджет не потянет... Вот родители и спонсорят по мере сил.

– Конечно, – поддержала физика Ярослава. – И польза налицо – для их же собственных детей. Все согласно словарю, – примирительно улыбнулась она.

– Их польза в том, что после компьютера я двоечнику «неуд» поставить не могу! – не сдаваясь, бушевала Олимпиада. – Потому что папа у него – спонсор! Школу не знания волнуют, а внешний лоск! Телевизоры, компьютеры...

– Вы не волнуйтесь так, Олимпиада Борисовна, – вкрадчиво пропела вдруг завуч. – В вашем возрасте нельзя так волноваться...

Напоминание о возрасте словно перекрыло Олимпиаде воздух. Она мрачно замолчала и опустилась на своё место рядом с физиком – бородатый Вячеслав Сергеевич рассеянно ей улыбнулся. Учителя затихли, Ярослава мельком переглянулась с Зоей Михайловной и с облегчением перевела дух – забрезжила надежда закончить педсовет засветло: завуч выбрала единственно верный способ задуть разгорающийся скандал. Директор посмотрела на Олимпиаду – та, высокомерная и прямая, сидела, презрительно поджав губы, и отстранённо смотрела в окно. В Ярославе вдруг шевельнулась неприязненная мысль: сколько можно? Когда же конец?

– Будем считать, – вздохнув, подытожила Ярослава, – что необходимость оснащения кабинетов всем ясна.

И тут же услышала мрачное заявление Олимпиады:

– Деньги с родителей собирать не буду.

Видит бог, Ярослава не хотела связываться со вздорной старухой! Но в этот момент она ясно ощутила в себе остервенелое раздражение.

– Вас не устраивают порядки во вверенной мне школе? – с тихой угрозой спросила она.

– Не устраивают, – упрямо подтвердила старуха.

– Тогда можете уйти на пенсию, – еле сдерживаясь, чётко проговорила Ярослава и досадливо кинула на стол папку с документами: – Всё, перекур! То есть, перерыв! Пятнадцать минут!

И первая пошла к дверям. Учителя тут же радостно потянулись на выход, только завуч по давней, выработанной годами привычке направилась к окну – открыть фрамугу, проветрить помещение. Хмурая Олимпиада продолжала сидеть на своём месте, и Зоя Михайловна, открыв окно, направилась к ней – присела рядом.

– Напрасно вы так, Олимпиада Борисовна, – осторожно заговорила она. – Что делать – жизнь не стоит на месте...

Олимпиада не отвечала, и Зоя Михайловна тоже смолкла – задумчиво посмотрела за окно, где, подчёркивая контуры старых домов, темнеющих на фоне закатного неба, не спеша опускалось к земле холодное зимнее солнце. Небо было выкрашено в багрово-оранжевые тона, и на его фоне отчётливо проступала башенка одной из семи сталинских высоток. Закат был так ярок, что даже отсюда, из учительской, чувствовалось, как вернувшийся к вечеру мороз прихватывает щёки бегущих по улицам горожан. Зоя Михайловна вдруг подумала, что почти всю жизнь смотрит на этот пейзаж за окном – когда-то из окон класса, теперь, вот, из учительской... И только здесь почему-то кажется, что город за окнами прежний. А как всё изменилось за пролетевшие сорок лет!

Завуч вздохнула.

– Все течет, все меняется, и только вы – все та же Стальная Олимпиада...

– Как-как? – насмешливо переспросила учительница. – Простите, глуховата.

Зоя Михайловна удивилась.

– Стальная Олимпиада – неужели не слышали? Ещё наш выпуск, Сашка Парнас, вас так прозвал...

– С чего бы?

– Сначала оговорился – не Стальнова, а Стальная. А потом приклеилось.

– Спасибо, не деревянная, – буркнула Олимпиада.

Зоя Михайловна доверительно тронула учительницу за локоть, упрятанный в трикотажный рукав времён брежневского застоя.

– Олимпиада Борисовна, дорогая, может, не стоит так рвать душу?

– А что стоит? Богу ее отдать?

– Зачем вы так... – укоризненно покачала головой завуч.

Олимпиада молчала, и Зоя Михайловна сделала очередной заход:

– Может, и, правда, стоит подумать о пенсии? Возьмёте факультатив, будете приходиться пару раз в неделю. Ведь тяжело вам, все видят...

Олимпиада недовольно фыркнула, но снова промолчала. Ободрённая завуч продолжила:

– Восемьдесят пять – это не шутка... Поберегите себя – ведь и давление у вас, и ноги болят – в тапочках ходите...

– Тапочки мои вас не устраивают?

Олимпиада неприязненно глянула на Зою Михайловну и начала выбираться из-за стола.

– Да причем тут... – потерялась Зоя Михайловна. – Хотя...

Но Олимпиада уже не слушала: шла по направлению к дверям, – и завуч, глядя ей вслед, машинально закончила фразу:

– ...тапочки – не лучшая обувь для учителя.

Дверь за Олимпиадой захлопнулась и тут же раскрылась снова – заглянул Вячеслав Сергеевич:

– Может, пора всех назад?

– Зовите, – согласилась Зоя Михайловна. И пробурчала, словно оправдываясь: – Ну, и в чём я не права?

Квартира, полученная когда-то инженером Стальновым, и впрямь была несуразной. Высоченные, чуть менее четырех метров, потолки сочетались в ней с более чем скромной площадью для жилья. Из двух имевшихся комнат собственно комнатой, по сути, была одна – угловая, квадратная, в двадцать пять квадратных метров, вполне соответствующая духу сталинского неоклассицизма: с богатой лепниной по периметру и двумя широкими окнами на разные стороны дома. Вторая комната, ведущая из первой, тёмная, вытянутая в длину, была больше похожа на чулан – с узким окошком в одном торце и наглухо закрытой дверью в другом. Заколоченная дверь этой комнатки вела прямо в просторную кухню – возможно, сама комнатка, по

задумке архитектора, предназначалась прислуге. Давно уже эта комнатка-чулан утратила для Олимпиады прелесть прежнего восприятия: при родителях это была её детская. Сейчас она служила Олимпиаде спальней, в которой едва помещались массивная старая кровать, комод и трюмо с затуманенным, треснувшим в углу зеркалом.

Первая, парадная, комната – то ли столовая, то ли гостиная – была заставлена старинной добротной мебелью. Муж Олимпиады, ныне покойный, был неприспособлен к быту, а потому равнодушен к быстро меняющейся моде в обстановке жилья. А сын, выросший среди дедовой мебели, то ли привык к ней, то ли не успел восстать против засилья старья в собственной молодой жизни. Поэтому в углу комнаты до сих пор жил велюровый, цвета хаки, диван с откидными валиками и высокой спинкой, завершавшейся полочкой с тусклым зеркалом посередине, а рядом располагался массивный книжный шкаф с прозрачными стеклянными дверцами, за которыми виднелись стройные ряды «огоньковских» изданий – на них методично подписывался муж. Дубовый буфет с резными ящичками соседствовал с тяжёлым платяным шкафом – одна из его створок сверху поблескивала окошком из толстого гранёного стекла. Сейчас обе створки шкафа были распахнуты, а на круглом столе посреди комнаты теснились узелки и свёртки.

У шкафа на стуле стояла Верочка – усталого вида худощавая женщина чуть за сорок, помогающая Олимпиаде по хозяйству. Верочка жила в соседнем доме – посменно сидела приемщицей в химчистке, а свободное от работы время делила между мужем, тремя детьми и Олимпиадой с ее хворями, придирами и пространными учительскими нотациями. Сейчас, стоя на стуле, Вера снимала с высокого шкафа обувные коробки и демонстрировала их содержимое Олимпиаде: в основном, в коробках была обувь, но встречались также и бусы, и кружево с нитками, и старые открытки, и просто лоскуты – все то, что сначала прячется до времени, а потом забывается за ненужностью. Вокруг Верочкиного стула уже лежало пар пять обуви, вполне ещё годной для ношения, но изготовленной, как минимум, лет сорок назад.

Верочка сняла крышку с очередной коробки и показала лежащие в них туфли. Олимпиада привычно махнула рукой: дальше! – но неожиданно задумалась.

– Ну-ка... Без каблука? Давай, попробую – может, и влезу.

Верочка протянула коробку Олимпиаде – та вытащила из нее туфли и, рассматривая, покрутила их в руках: пара была почти не ношеной.

– Чешские... Сто лет их не носила.

– Господи, зачем вам туфли? – слезая со стула, посетовала Верочка. – У вас же ноги больные... Как вы в них урок простоите?

Олимпиада, утвердившись на освободившемся стуле, скинула с ног тёплые тапочки.

– Как, как... – ворчливо отозвалась она, примеряя туфли. – Как Жанна Д'Арк на эшафоте...

С трудом засунув ноги в тесные туфли, Олимпиада тяжело встала, но, тут же, не удержавшись, рухнула назад на стул. Однако сразу поднялась, и, преодолевая себя, прошлась по комнате – сделала круг, передохнула у подоконника с фиалками, и, добравшись до дивана, с облегчением упала в лежащие на нём подушки-думки.

– Чисто испанский сапог, – возвестила она, скидывая туфли.

– Ну, и чего себя мучить? – с готовностью согласилась Верочка, собирая в коробки раскиданную по полу обувь. – Ходили же всегда в тапочках...

– Тапочки – не лучшая обувь для учителя, – ворчливо откликнулась Олимпиада. – Я, дорогуша, педагог, а это обязывает...

Верочка, вздохнув, наклонилась за снятыми Олимпиадой туфлями:

– Убрать?

– Оставь – разношу.

Вера безнадежно махнула рукой и, оставив в покое туфли, принялась сгребать со стола ранее извлеченные из шкафа пакеты и свёртки – прятать назад, до следующей ревизии.

– Вы бы попросили сына: пусть пришлёт вам туфли мягкие... У них там, в Америке этой, чего только нет...

– Только ему и забот в своей Америке, как по магазинам для меня бегать...

Верочка не возражала: к сыну Олимпиада относилась благоговейно, не позволяя беспокоить его ни просьбами, ни жалобами, ни вообще какими-либо подробностями своей жизни. Единственный её сын, названный в честь деда Борисом, впервые попал в Штаты, будучи аспирантом МГУ: в 80-м, в рамках программы по студенческому обмену. Стажировка подающего надежды учёного-химика не прошла даром – в Беркли, в лаборатории Калифорнийского университета, завязались взаимовыгодные научные связи, и спустя девять лет, получив к тому времени докторскую степень «по совокупности работ», Борис Стальнов вернулся в лабораторию уже по приглашению самого университета. Приехал с семьёй – женой и двумя маленькими дочками: предстояли совместные, важные для обеих стран исследования, рассчитанные на два года. Но по истечении двухлетнего срока контракт с Борисом продлили на пять лет, потом ещё на пять... А потом Олимпиада с грустью поняла, что наука заполняет жизнь сына без остатка: дом, родители, русские берёзки и, в целом, родина существуют для него по остаточному принципу. Мудрый муж привычно утешал её, а заодно и себя: для настоящего учёного дом там, где его работа – и Олимпиада, которая очень гордилась сыном, погоревав, смирилась...

Очередной свёрток под руками Верочки порвался, и из бумаги показалось нечто старинное – из пожелтевшего, некогда-то белого репса, с лентами и кружевами.

– Что это? – заинтересовалась она.

– Папин крестильный конверт, – пояснила Олимпиада. – Там ещё должна быть рубашка... В этом конверте папу и крестили, и выносили к гостям... А до папы выносили дедушку.

– С ума сойти... – выдохнула Верочка.

– Меня в нём тоже крестили... А Борю забирали из роддома...

«Чего я храню всякую рухлядь? – шевельнулась у Олимпиады тягостная мысль. – Кому после меня это будет нужно? Все эти конверты, кружева, открытки, старые письма, французские книги? Боря уже вряд ли вернется на родину... И дочери его совсем американки. О правнучках вообще говорить нечего – они почти не говорят по-русски...»

Вера, любовно спеленав детский конверт, помнивший четыре поколения дворянской фамилии, поместила его в чистый пакет и, спрятав в шкафу, обернулась к хозяйке – лицу Олимпиады, посуровев от грустных дум, вытянулось и заострилось, приобретя болезненный вид. Опытная Вера тут же встревожилась.

– Что, Олимпиада Борисовна – голова? Кружится?

– Всё нормально.

Старуха как-то сразу подобралась и, досадуя на собственную слабость, недовольно заворчала:

– Продукты принесла? Кефир не забыла?

– Все на кухне, на столе. Там и чек, и сдача.

– Сдача на столе – это ладно. А продуктам место в холодильнике.

– Так я в холодильник и положила.

– А что же говоришь – на столе?

Верочка не ответила – молча взялась за веник: она давно привыкла к брюзжанию старухи, но иногда, как сегодня, особенно устав, позволяла себе демонстрировать ей скрытую обиду. Олимпиада тоже смолкла, наблюдая за обижено-сгорбленной спиной помощницы: та усердно заметала налетевший из старых коробок сор. Олимпиада мысленно ругнула себя: и чего прицепилась? Вот бросит её Вера, и куда она денется без её помощи? До школы еле доползает...

Увидев, что Вера, наконец, разогнулась, чтобы ссыпать мусор в приготовленный пакет, Олимпиада спешно поднялась с дивана и двинулась к буфету.

– Чай будешь?

Вера не ответила, и Олимпиада не стала настаивать – распахнув резные дверцы буфета, окинула взглядом теснящуюся на полках посуду. Любимый покойным мужем хрустальный стакан в мельхиоровом подстаканнике соседствовал со старой чайницей, вывезенной еще из Парижа, чашки и сахарница с клеймом дореволюционного товарищества Кузнецовых стояли рядом с чудом сохранившимся молочником из сервиза «Мадонна» – в семье сервиз, подаренный на пятидесятилетие мужа, не жаловали и потому над разбитыми чашками не горевали. На верхней полке в окружении гранёных рюмок поблескивал мутным стеклом квадратный штоф с неясной монограммой. Олимпиада обернулась к Верочке.

– Так что насчет чая?

– Спасибо, – глядя в сторону, ответила та, – я лучше домой. Муж, наверное, уже пришел.

Олимпиада недовольно фыркнула, но промолчала – неспешно высыпала в синюю вазочку на ножке дешёвые карамельки, вынула из буфета пряники, заварочный чайник и с педантичной аккуратностью водрузила всё на поднос. И вдруг, не оборачиваясь, вздохнула:

– И как вы там умещаетесь – впятером в своей однушке?

– Умещаемся, – пожала плечами Верочка. – А что делать?

– Меня, например, отравить, – не оборачиваясь, буркнула Олимпиада. – Живу и живу, вздорная старуха!

Вера поморщилась.

– Ну что вы говорите, Олимпиада Борисовна! Живите себе на здоровье. Только вот...

– Чего замолкла? Договаривай.

Олимпиада достала из буфета кузнецовскую чайную пару, поставила её на поднос и, помешкав, всё же вытащила еще одну – для Веры.

– Я же вижу, вам одной несладко, – отозвалась Верочка. – И чего вы не хотите перебраться к сыну? И ему бы спокойнее, и...

– И вы бы, наконец, мою квартиру заняли! – неприятным голосом закончила за неё Олимпиада. – Переехали бы, зажали как люди...

Шумно, словно намеренно, шаркая тапочками, она направилась с подносом к столу, успев заметить, как Вера, вспыхнув, кинулась было к дверям, но, смирив себя, вернулась и перехватила тяжёлый для старухи поднос. Олимпиада, сухо улыбнувшись, благодарно глянула на Веру и примирительно кивнула на стол:

– Может, все-таки выпьешь чаю?

Верочка покачала головой:

– Нет, пойду. Пора.

Олимпиада расстроилась, но виду не подала – тяжело опустившись за стол, сразу ухватилась за чайник.

– Ты не дуйся, я тебе скорой смерти не обещала...

– До свидания, – Верочка уже шла к дверям.

Олимпиада, проводив ее взглядом, хмуро посмотрела на приготовленные для двоих чашки.

– А в Америке вашей тут же и помру...

Тихонько зайдя в квартиру, Вера сразу прошла на тесную кухню: кухня была пуста, муж Павел, слава богу, ещё не вернулся со службы. Верочка перевела дух: муж не любил ее отсутствий в доме, хотел, чтобы жена всегда встречала его с работы. На часах была половина десятого – за стеной, в комнате, слышались возмущённые возгласы: старшая дочка, тринадцатилетняя Света, загоняла младших спать. Вера, оставив сумки, поспешила к детям: младшие,

семилетняя первоклассница Даша и пятилетний детсадовец Петька, бесились за шкафом, воюя за верхнее место на двухъярусной кровати. Верочка, заглянув за шкаф, шикнула на разошедшихся малышей:

– А ну, быстро по кроватям! А то папа вот-вот придёт – не успеем сказку почитать.

Малышня тут же кинулась раздеваться, а Вера прошла на свою половину – шкаф делил комнату на две неровные части: детям была отведена меньшая, едва вмещавшая двухъярусную кровать и Светин диванчик. На «детской» половине только спали, на «взрослой» – жили. Днём на их с Павлом половине смотрели телевизор, делали уроки, отмечали семейные праздники, а ночами, они, разложив старый диван, тайно любили друг друга, чутко прислушиваясь к сонному детскому сопению за шкафом. Несмотря на все неудобства, за пятнадцать лет супружеской жизни Верочка ни разу не почувствовала себя обделённой, ни разу не возроптала на судьбу и на то, что родила троих – она твёрдо верила в свою удачливость, в надёжность мужниного плеча, в святую правильность их семейного уклада. Только вот в последнее время, изредка оставаясь одна, ощущала опустошающую усталость.

Сказку почитать не успели – пришёл отец. С книжкой к малышам отправилась Света, а Вера кинулась привычно ворковать над мужем: накрывать на стол, подавать ужин, наливать чай, размешивать в мужниной кружке сахар... Он сидел в тесной щели между холодильником и кухонным шкафом, большой уставший мужик, и она с любовной жалостью смотрела на его широкие плечи и натруженные руки плотника. Впрочем, руки эти крутили баранку автомобиля – Павел работал личным водителем префекта Центрального округа.

– Ну, что тут у вас? Дашка все кашляет?

– Кашляет, – обречённо подтвердила Вера, – боюсь, затемпературит... Тогда снова на бюллетень... И у Петьки в группе ветрянки – наверняка подхватит. Выгонят меня с работы...

– Ну и выгонят! – махнул рукой муж. – В соцработники пойдешь, давно тебе предлагаю.

– Может, и, правда, придётся...

– Хочешь, прям завтра поговорю? – оживился Павел. – Будешь свою старуху за деньги обихаживать.

– Да она-то причём? – поморщилась Вера. – Ты, Паша, лучше про жильё поговори. Я бы уже и в коммуналку поехала – если две комнаты...

Муж со стуком поставил на стол кружку с недопитым чаем.

– Раньше надо было соглашаться, а не с бабкой связываться! – Павел с досадой подхватил с клеёнки сигаретную пачку и поднялся из-за стола. – Старая, старая... Да она нас с тобой переживет!

– Кто же знал... – Верочка виновато опустила глаза. – Я же думала: год, два – и она к сыну запросится...

– Да куда она не поедет – сразу было видно! А с этим твоим договором пожизненного содержания быстрее ты ноги протянешь! Говорил же!

– Он недавно опять звонил, – не глядя на мужа, виновато продолжила Вера, – просил: уговаривайте ее! Уговорите уехать – сразу квартиру отдадим...

С сыном Олимпиады Борисом Верочка поддерживала постоянную тайную связь – он звонил часто, волновался о матери. Все его уговоры матери приехать в Калифорнию хотя бы на время, в гости: посмотреть, как в большом доме с видом на залив дружно, совершенно по-русски, уживаются три поколения Борисовой семьи (одна из его дочек после развода вернулась с детьми под заботливое материнское крыло) – заканчивались одинаково: Олимпиада сдержанно благодарила и отказывалась, ссылаясь на школьные дела. Она вообще считала, что это правнучек следует привезти на родину – что они там видят, несчастные девчонки, на своем диком западе? Ни снега, ни настоящего леса, ни рыбалки... «Сам-то Боря в детстве сутками на озере с удочками пропадал», – со вздохом каждый раз вспоминала Олимпиада.

– Вот если б на пенсию ее... – вздохнула Верочка. – Олимпиаду только школа и держит. А без работы что ей тут делать?

Павел, направлявшийся с сигаретой на лестницу, задумчиво остановился в дверях.

– С Сергей Николаевичем, что ли, поговорить? Ну, есть же у них рычаги?

– Да какие у них рычаги, – махнула рукой Верочка.

– Ну... Комиссию какую наслать, что не соответствует должности...

– Это Олимпиада-то?

– А что? Или установить, что она больная, немощная – не может преподавать. Чтобы в дом ветеранов ее!

– Какой еще дом?

– Ветеранов! Указки и глобуса...

– Да ну тебя!

Верочка заулыбалась – Павел подошел к жене, тесно прижал ее к себе. Вера обмякла, прислонилась к мужу, уткнулась в распахнутый ворот его рубахи, втягивая ноздрями привычный, обволакивающе-родной запах. Прерывисто вздохнула.

– Поговори, Паша. Может и, правда, есть какой способ? Пора уже ей на покой... Да и сын был бы рад.

– Завтра и поговорю.

Раннее морозное утро бодрило. Павел любил первые несуетные минуты своего рабочего дня – ежедневное ожидание шефа в уютном дворике нового элитного дома отчего-то наполняло жизнь уверенным спокойствием и ощущением собственной справности – всё у него было хорошо и надежно: жена, дети, работа... Шефа своего Павел уважал и по-своему любил – префект был мужик достойный, работающий и справедливый. Для него было не жаль ни времени, ни сил, и Павел знал, что шеф тоже относится к нему по-доброму, как к своему.

Хлопнула дверь подъезда, и Павел живо выбрался из нагретого нутра префекторской «ауди» – от дома к машине бодро шёл подтянутый моложавый мужчина: префект был мужик спортивный, любил погонять мяч, а в теннисе вообще имел какой-то разряд. Павел приветливо распахнул перед шефом дверцу.

– Доброе утро, Сергей Николаевич!

– Приветствую! – префект по обыкновению пожал водителю руку. – Как сам?

– В ажуре.

Забравшись в машину, Павел глянул на устроившегося рядом начальника.

– На службу или как?

– Или как – в мэрию.

– В мэрию, так в мэрию! Быстро домчим...

Префект промолчал. Павел плавно тронулся с места, вырулил со двора на еще свободный от пробок проспект и быстро погнал от светофора к светофору: приветливо светились по сторонам витрины закрытых ещё магазинов, краснели светлячки габаритных огней идущих впереди машин.

– Как с инвесторами дела, Сергей Николаевич? – нарушил молчание Павел.

– Туго переговоры идут. Но проект утвердили. Будем строиться.

– А строительство когда?

Шеф, слегка повернувшись, посмотрел на него с пониманием.

– Совсем тебе, видно, не вмоготу... Дадим вам квартиру, дадим! В первом же сданном доме...

Павел сглотнул.

– Сергей Николаич, а, может, из вторичного жилья чего?

Начальник глянул сочувственно.

- Сколько у тебя метров?
– Жилой – восемнадцать.
– Это на пятерых? – префект задумался. Павел молчал, зная, что шеф замолк не просто так – прокручивает в голове варианты. Однако вариантов, похоже, и у префекта было небогато.
– А что старуха-то ваша? – неожиданно спросил префект. – Всё живёт?
– Живёт, – с досадой откликнулся Павел, – ничего ей не делается. Да она работает до сих пор!
– Старая закалка... – то ли с завистью, то ли с неодобрением откликнулся шеф.
Снова помолчали.
– Сергей Николаевич, – опять заговорил Павел. – Тут сын её звонил... Очень просил посодействовать – хочет мамашу к себе в Штаты забрать...
– Ну, и в чём вопрос?
– Так не едет она! За школу свою держится – не оторвать. Восемьдесят пять, а всё на работу ходит. Может, собесом ее пугануть?
– Это как? – заинтересовался Сергей Николаевич.
– Ну, пусть скажут, что ей дом ветеранов положен: мол, одинокая, заслуженная, должна быть под присмотром... Она бы сразу к сыну...
– Ты, Паш, ерунду-то не говори, – поморщился префект. – Какой ещё дом ветеранов, кто туда стариков насильно запикивает? К тому же у нее и жилье своё, и опека ваша...
– Тогда, может, хоть на пенсию? – с надеждой спросил Павел.
– И что это даст?
– Да её только школа здесь держит!
– Ну, на пенсию отправить – не проблема... – откликнулся префект. – Только ты уверен, что она сразу уедет?
– Я уже ни в чем не уверен, – угрюмо отозвался Павел.
– То-то и оно...

Шеф откинулся на спинку сидения, прикрыл глаза – Павел понял: разговор окончен.

В пятом «А» читали «Бородино». Олимпиада сидела за столом и с удовольствием слушала, как у доски звонко, с воодушевлением отдаваясь процессу, произносит слова своего великого тезки Миша Любимов.

– И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
Мы в Бородинский бой.

Любимов смолк – заданный отрывок закончился. Олимпиада удовлетворенно нарисовала в журнале жирную пятерку и тяжело поднялась из-за стола.

– Спасибо, Миша, можете сесть.

Любимов направился к своему месту, а учительница обвела взглядом класс.

– Вопрос всем: как понять строки «полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам»? Что хотел сказать этим поэт?

Олимпиада двинулась между рядов – дети ожили, зашептались. Поддерживая вытянутую руку другой, просилась отвечать умница Петрова, прятал глаза и рдел ушами толстяк Чернуха, усиленно размышлял Любимов – лица у всех были сосредоточенные, думающие, и своей осмысленностью радовали душу старой учительницы. Она остановилась рядом с Чернухой и положила руку ему на плечо.

– Федор, как вы думаете?

Пунцовый от смущения Чернуха выполз из-за парты.

– Ну... Полковник наш... их... Он храбрый... Не привык отступить...

– Правильно, – подбодрила Олимпиада. – Он храбрый, «рожденный хватом», то есть, сильным, удалым человеком, и отступить для него немислимо, особенно, когда защищаешь подступы к столице... А почему?

Федька, замкнувшись, молчал, и потому Олимпиада снова обратилась ко всем:

– Кто как думает?

Олимпиада кивнула Чернухе, разрешая сесть, и двинулась дальше – почти новые, не разношенные туфли нестерпимо сдавливали больные ноги, поэтому шла она с видимым трудом.

– Арсений? – учительница остановилась рядом с вихрастым, конопатым мальчишкой, который в нетерпении ерзал за партой.

– Как почему? Это ж наша страна! А тут эти – на нас... на них, в смысле... прут! В общем, враги, – тут же выпалил Сенька Бодров. – Если твоя земля, ее надо защищать!

– Верно, – откликнулась Олимпиада. – В Бородинском сражении и солдаты, и офицеры – все защищали свою землю, страну, Отечество. А кто в те времена стоял во главе отечества? Кто скажет?

Дети зашептались.

– Царь? – неуверенно произнес кто-то.

– Царь, – подтвердила Олимпиада, – император Александр Павлович Благословенный. Именно он олицетворял собою Отечество...

– Поэтому «слуга царю»? – тут же догадалась Петрова.

– Именно. Умница, Таня, – похвалила Олимпиада, продолжая прогуливаться среди парт. – Полковник, о котором говорится в стихотворении, был в первую очередь слугой своему Отечеству... А во вторую?

– Солдатам! – с готовностью выпалила Петрова.

Олимпиада улыбнулась ее горячности.

– Служить – это всегда подчинять свои интересы тому, чему служишь, – мягко возразила она. – А может ли командир подчиняться рядовым?

– Не может, – тут же запротестовал Любимов. – Он должен командовать.

– Скорее руководить, – поправила Олимпиада. – Он должен вести людей в сражение и сохранить их жизни – подумайте, какая это большая ответственность!

Она дала им время подумать, и они подумали. Они, вообще, были сейчас единым целым – слаженный организм, единая душа – как зрительный зал при хорошем спектакле. И она аккуратно вела их мысль, незаметно руководила рождением собственного мнения, холила слабые ростки так необходимого ей, самостоятельно найденного решения.

– «Война – совсем не фейерверк, а просто трудная работа...», продолжила Олимпиада. – Это написал другой поэт – Михаил Кульчицкий. Он жил спустя много лет после Бородино и погиб во время войны с фашистской Германией...

Она обвела взглядом класс: почти все были втянуты в диалог, слушали, не отвлекаясь, и глаза блестели живым интересом.

– Так вот, солдаты во все времена делали и делают необычайно трудную, смертельно опасную работу. Поэтому их командир должен быть не только умелым и мудрым – он должен беречь рядовых, быть внимательным и заботливым к каждому солдату...

– Как отец! – снова выпалила догадливая Петрова. – Заботливый, как отец.

Класс загомонил, довольный своей проницательностью.

– Молодцы! – тут же закрепила общий успех Олимпиада и снова оглядела класс. – Пожалуй, Михаил Юрьевич Лермонтов дал самое ёмкое определение офицерству – именно таким и

должен быть истинный командир: слугой отечеству и отцом своим подчиненным. Таких в царской России было немало – офицерское сословие оставило в истории не одно блестящее имя...

Она неспешно двинулась к своему столу и взяла в руки потрепанный увесистый том.

– О таких людях написал свой главный роман другой великий литератор России – Лев Николаевич Толстой. Этот роман называется «Война и мир»...

«А по программе у них „Кавказский пленник“», – листая страницы, чтобы найти нужный отрывок, машинально подумала Олимпиада. – «Может, зря я затеялась? Нет, надо успеть... хоть познакомиться... заронить... Что там будет через пять лет? Дожить бы...» Она раскрыла том на нужной странице и снова взглянула на класс.

– Я прочитаю вам отрывок из этого романа. Про мальчика, который мечтал стать настоящим офицером... Почти ваш сверстник...

Олимпиада, нацепив на нос очки, приготовилась читать. «Да, Ярослава бы не одобрила», – подумалось ей, но она спешно отмахнулась от неприятной мысли.

Директор Ярослава Игоревна, тем временем, принимала у себя в кабинете маму Горячева. Ирина Горячева, по виду ровесница Ярославы, подтянутая, ухоженная, одетая дорого, но не броско, чем-то напоминала саму директора: тот же неуловимый шарм, непоказной лоск, та же приветливость улыбки, которая, при всей своей искренности всё же подразумевает дистанцию – в обеих чувствовались благополучие и порода. Ирина, дождавшись, пока скроется секретарша Люся, решившая непременно напоить её чем, машинально взяла с блюдечка прилагаемую к чаю конфету и посмотрела на Ярославу.

– Поймите, я не оправдываю сына, он тоже... не рахат-лукум, – снова заговорила она, продолжая прерванный Люсей разговор. – Дерзит, огрызается – особенно в последнее время...

– Переходный возраст, – вздохнула Ярослава.

– Возможно... Но, поверьте, и с ним можно договориться... если по-человечески. Зачем же распускать руки? Черт с ней, с этой рубашкой...

– Мы можем возместить стоимость, – поспешно пообещала директор.

– Я вас умоляю! – тут же остановила ее Ирина. – Разве об этом речь? Просто у ребенка тоже есть самолюбие... Вернее, человеческое достоинство, – поправились она. – А потом, что за методы? Почему, например, его не пускают в класс, если он отказался мыть подоконник?

Ирина говорила горячо, но без возмущения, скорее с досадой.

– Простите, – напряглась Ярослава. – Что за инцидент с подоконником?

– А вы не в курсе? – удивилась Ирина и пояснила: – Валера неделю провел под дверью – Олимпиада Борисовна не пускала его на свои уроки, потому что он ушел с субботника.

– Вы пейте чай, остынет...

«Когда ж это кончится? – тоскливо подумала Ярослава, глядя, как Ирина послушно отхлебывает из чашки зеленый чай. – Почему я должна отвечать за все эти приветы из прошлого? Субботники, всеобщая уборка класса, трудовое воспитание... Слава коллективу, позор индивидуализму! И плевать ей на то, что по закону привлекать учеников к труду без их согласия теперь запрещено! Она же как ископаемое... словно вчера ее отрыли... И, главное, именно Горячев... Ох, как нехорошо получилось...»

– А, что, уборщицы у вас нет? – прервав её мысли, поинтересовалась Ирина.

– Почему? Нянечка, – рассеянно откликнулась директор.

– Одна? – искренне удивилась мама Горячева.

– Больше штатным расписанием не предусмотрено, – сухо ответила Ярослава. «Покрутись тут, – вдруг обиделась она на Ирину, – с одной Настей и с положенным ей по инструкции объемом: влажная уборка по всей школе после каждой перемены... В чем-то Олимпиада, конечно, права – никто не рассыплется, если иногда уберется в классе!»

Чуткая Ирина тут же уловила в директоре перемену.

– Нет, поймите меня правильно: я не против трудового воспитания... – горячо заговорила она. – Если надо, чтобы он что-то там мыл, пусть: в жизни пригодится... Но, если учитель не смог убедить ребенка в необходимости уборки – как можно не допускать его к урокам? Что за методы?

– Он что, до сих пор не посещает ни русский, ни литературу? – устало спросила Ярослава.

– Да нет, конфликт рассосался.

– Все-таки вымыл подоконник?

– Валера? Не смешите!

Ярослава удивленно вскинула брови.

– Неужели Олимпиада Борисовна уступила?

Ирина, заулыбавшись, беспечно махнула рукой.

– Да нет! Кто-то вымыл за сына – ну, и поскольку причина раздора ушла, всё как-то само... разрулилось.

Ярослава вздохнула.

– Я поговорю с Олимпиадой Борисовной. Люся! – крикнула она в «предбанник», и через секунду Люся просунула в кабинет свою дурную двадцатилетнюю взлохмаченную голову. – Пригласи Олимпиаду Борисовну.

– Так урок же, – изумилась Люся. – Десять минут еще до звонка.

– Ничего, пусть отпустит детей пораньше... И чашки со стола забери.

Люся, прихватив со стола чашки, исчезла в дверях. Ирина неуверенно приподнялась с места.

– Мне, наверное, лучше уйти?

– Зачем? – пожала плечами директор. – Мы поговорим в вашем присутствии.

Олимпиада читала детям Толстого. Она мучительно любила этот эпизод романа: восторженный Петя, не готовый к войне и ее жестокости, слышащий музыку перед боем и по-детски влюбленный в каждого и каждому желающий добра, всякий раз волновал ее до слез, и всякий раз ее волнение передавалось ученикам. Из года в год каждый пятый класс, не шевелясь, слушал чтение учительницы и, сраженный подлинностью её чувств, искренне переживал гибель Пети Ростова – это поддерживало Олимпиаду, убеждало в том, что, как бы ни менялась жизнь, дети остаются прежними. А значит, надо не жалеть для них сил и не уставать делиться тем, что накопила душа: не скрывая эмоций и не стесняясь не модной ныне искренности.

– «...Петя скакал на своей лошади и вместо того, чтобы держать поводья, странно и быстро махал обеими руками и всё дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону, – читала Олимпиада. – Лошадь резко остановилась, и Петя тяжело упал на мокрую землю...»

Дети слушали по-разному: страдальчески морщился носик Тани Петровой, суровился лицом Любимов, задумчив и сосредоточен был вечно вертлявый вихрастый Сенька. Кто-то возил карандашом по парте – звук перекатывающихся карандашных ребер раздражал, и Олимпиада, перелистывая страницу, успела бросить взгляд туда, откуда он доносился: это Федька лежал на парте и в задумчивости катал рядом с собой карандаш. Но тоже слушал.

– «Казачки видели, как быстро задергались его руки и ноги несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову...»

– Олимпиада Борисовна! – донесся от двери громкий шепот Люси. Дети завертели головами, но Олимпиада, не отрываясь от книги, сделала предупреждающий жест рукой, и Люся застыла в дверях, подчиняясь общему вниманию к чтению учительницы.

– «Убит?! – вскрикнул Денисов, увидев еще издали то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети...»

– Олимпиада Борисовна... – сделала еще одну несмелую попытку Люся, но Олимпиада не отреагировала, только голос ее зазвучал значительней.

– «Он подъехал к Пете, слез с лошади и дрожащими руками повернул к себе запачканное кровью и грязью, уже побелевшее лицо Пети. „Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь...“, – вспомнилось ему...» – голос Олимпиады предательски дрогнул сдерживаемой слезой. – «И казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошел к плетню и ухватился за него...»

На счастье Люси как раз прозвенел звонок, и, получив возможность говорить, она тут же взмолилась:

– Олимпиада Борисовна, вас же к директору! Срочно!

– Я не закончила урок, – строго оборвала ее Олимпиада и, закрывая книгу, повернулась к детям. – Задание на дом: кто сможет – перечитайте отрывок, у кого нет Толстого, просто вспомните и подумайте. Постарайтесь ответить на вопрос: зачем понадобилась Толстому гибель Пети? И почему во все времена на войну стремились такие молодые мальчишки?

Дети зашумели отодвигаемыми стульями, защелками замками рюкзаков.

– На следующем уроке поговорим немного о Пете и перейдем к «Кавказскому пленнику», – подытожила Олимпиада. – Всё, можете быть свободны.

Она повернулась к Люсе.

– Что за срочность?

– Так зовут... – развела руками Люся. – Ярослава Игоревна ждет – вместе с Горячевой, мамой.

На просветленное Толстым лицо Олимпиады набежала тень. «Ну, что же... Имеют право. Нанесла ущерб семейному бюджету – держи ответ...»

– Скажите, иду.

К директору первой прибежала Люся – хотела оправдаться за несвоевременно выполненное поручение. Едва заглянув в двери, она налетела на строгий взгляд директора:

– Люся, ну почему так долго?

– Так это... – растерялась Люся. – Она Толстого дочитывала. Но уже идет.

– Почему Толстого?

– Не знаю... Про Петю Ростова.

И Люся живо скрылась за дверью – от греха.

– Странно, почему у них Петя?

Ярослава встала из-за своего стола и перешла за стол заседаний, буквой «т» примыкающий к ее рабочему месту – села напротив Ирины.

– В пятых сейчас Лермонтов... – пояснила она. – А потом Гоголь... Это по программе.

Мама Горячева неопределенно пожала плечом и хотела что-то ответить, но не успела: в дверях появилась запыхавшаяся Олимпиада.

– Звали?

– Проходите, Олимпиада Борисовна, – Ярослава дернулась было, чтобы подняться навстречу старой учительнице, но удержала себя за столом и жестом пригласила Олимпиаду на стул рядом. – Присаживайтесь.

Но Олимпиада, кивком поприветствовав присутствующих, царственно проследовала в торец стола и, утвердившись там, невольно оказалась на «председательском» месте. Сурово окинув взглядом директора и родительницу, она строго сказала:

– Слушаю вас.

– Олимпиада Борисовна, а почему у вас Толстой вместо Гоголя? – против воли оттягивая начало неприятного разговора, миролюбиво поинтересовалась Ярослава. – У нас же программа...

– Это у вас программа, а у меня необходимость научить детей думать и любить книгу... – ворчливо откликнулась Олимпиада. Она не знала, куда деть руки, и потому машинально ото-

двинула от себя массивную керамическую пепельницу – брезгливо, как показалось Ярославе. «Не надо бы здесь курить, – мелькнуло в голове директора. – Спасибо, не отчитала». Впрочем, кабинет был идеально проветрен: в школе Ярослава курила редко и исключительно по вечерам, если засиживалась за документами. Но сам пренебрежительный жест старой учительницы вызвал у нее чувство неловкости, тут же сменившейся легким раздражением.

– Знакомьтесь, – сухо сказала Ярослава. – Это Ирина Викторовна, мама Валеры Горячева. Мне очень неприятно, Олимпиада Борисовна, но я вынуждена потребовать у вас объяснений...

– Мама Горячева? Прекрасно! – язвительно перебила директора Олимпиада и всем корпусом развернулась к Ирине. – Скажите, где ваш сын? Он сегодня отсутствовал на уроке.

– Как отсутствовал? – растерялась Горячева. – Я не в курсе, я прямо с работы, у меня окно... Он, вроде, собирался...

– Олимпиада Борисовна! – возвысила голос Ярослава. – Вы подняли на ребенка руку, вполне понятно, что он не пришел на урок...

– Прискорбно, – не слушая Ярославу и обращаясь исключительно к Ирине, грозно заговорила Олимпиада, – прискорбно, что работа не позволяет вам в должной мере отслеживать жизнь сына...

– Да, но...

– Валерий – умный, развитый мальчик, он хорошо успевает по всем предметам, но ошибочно полагает, что ему всё дозволено.

– Почему же... – попробовала неловко защищаться Горячева, но Олимпиада, коротко глянув на директора, добавила голосу сарказма:

– Полагаю, из-за того, что его папа помогает школе!

Ярослава невольно дернулась, но Олимпиада не дала возможности протестовать.

– Ребенок не признает внутришкольных правил, – продолжила она, – постоянно пререкается, является на урок с немыслимой прической... В гости, на прогулку – пожалуйста, – предупреждая возражения директора, повернулась к ней Олимпиада, – но в класс, даже если это сейчас модно – увольте! Но самое неприятное...

Учительница, выдержав МХАТовскую паузу, вновь обратила свой взор к растерянной маме.

– Вы знаете, что ваш сын копит деньги?

– Валера? Зачем? У него всё есть...

– Рекомендую поинтересоваться, – пригвоздила учительница бедную Горячеву. – Он все время занят добыванием денег – постоянно чем то торгует, крутится возле старшекласников, заключает пари – последствия такой страсти непредсказуемы. И я вам настоятельно советую...

– Олимпиада Борисовна! – чуть не криком остановила Ярослава разошедшуюся старуху. – Но вы устроили с ребенком драку! Порвали ему рубашку! А теперь выговариваете маме...

– Рубашку порвала! – резко перебив директора, согласилась Олимпиада. И добавила спокойно: – Без всяких драк, случайно – когда отбирала у него пачку сигарет, засунутую в карман...

– Он курит? – ужаснулась совершенно сбитая с толку Ирина.

– Нет, – с легким пренебрежением успокоила ее Олимпиада. – Он зарабатывает на сдаче – покупает сигареты старшекласникам.

Она демонстративно глянула на часы, висящие над стендом с расписанием уроков, и тяжело поднялась.

– Позвольте откланяться: у меня урок.

– Мы не закончили разговор, – отчеканила директор.

Но Олимпиада словно не заметила металла в ее голосе.

– Заканчивайте без меня, – добродушно откликнулась она. – А я – на свой чердак, когда еще доберусь... Не столь резва, как прежде! – иронично закончила учительница и двинулась к дверям.

Ирина растерянно посмотрела на Ярославу – та с досадливым раздражением отвела взгляд и подавила возмущенный вздох.

У дверей Олимпиада обернулась.

– Двести евро – это сколько? В рублях?

– Около двенадцати тысяч, – мстительно сказала Ярослава.

– Вычтите из моей зарплаты, – с царственной снисходительностью распорядилась Олимпиада. – За рубашку.

Насмешливо поклонившись обеим: и директору, и маме Горячева, – она открыла дверь и степенно покинула кабинет. Ярослава тут же вскочила с места и метнулась к своему столу. Порывшись в сумке, она нервно выудила из нее пачку сигарет и взглянула на Горячеву.

– Курите?

– Нет, – замотала головой Ирина. – Вернее, иногда.

– Не возражаете?

– Пожалуйста, – кивнула Горячева.

Ярослава, разнервничавшись, безуспешно чиркала зажигалкой.

– Нелегко вам с ней? – сочувственно спросила Ирина.

– Никакого сладу! – наконец прикурив, махнула рукой директор. – Одно слово – Стальная Олимпиада! Живет, словно в прошлом веке: никаких нововведений! Болонская система – трагическая ошибка, информатизация – чуть ли не от дьявола! Вся в советских правилах, устоях, принципах! Ни шагу назад!

– А если на пенсию?

– Её?! – Ярослава возмущенно выдохнула струю дыма. – Да не подступись! Она преподает аж с сорок девятого года! Заслуженный учитель, орденоска. Только в нашей школе почти полвека: через год – юбилей...

Заслуги Олимпиады явно притушили директорское возмущение. Ярослава, сделав последнюю затяжку, сломала в пепельнице почти целую сигарету и невесело посмотрела на Горячеву.

– И ничего с ней не поделать – плачем...

Домой Ирина пришла уже успокоенная. На работе был аврал: отзвонив сыну и убедившись, что он, живой-здоровый, гоняет мяч в соседней дворовой коробке, она с головой погрузилась в подготовку итогового отчета, решив, что с прогульщиком будет разбираться отец. Теперь, открыв входную дверь, она с удовлетворением отметила, что муж уже дома – из его кабинета в прихожую выплывали благородные запахи дорогого трубочного табака.

– Мам, ты? – донесся из комнаты настороженный голос сына – и Ире почудились в нем заискивающие нотки.

– Я, – коротко ответила она и, скинув сапоги, босиком прошлепала сразу в кабинет мужа. Дмитрий расслабленно сидел в кресле, закинув ноги на журнальный столик – рядом стояли вазочка с орехами, початая бутылка Хеннесси и пузатые рюмки с недопитым коньяком.

– А что за праздник? – удивленно спросила Ирина, показывая на коньяк. – И чего вдруг ты дымишь в комнате?

– Ну, Ириш! – блаженно потянулся муж. – В кои-то веки взял трубку...

– Да ради бога! Только тут-то зачем? – Ирина прошла к балкону и настезь распахнула дверь – в комнату потянуло свежим морозным воздухом. – А в связи с чем застолье?

– С Виталькой Земцовым случайно встретились, – Дмитрий, затушив трубку, выбил оставшийся табак в пепельницу. – Школьный приятель... Да я тебе рассказывал – мы с ним вместе по олимпиадам ездили.

– Что-то не помню, – пожала плечами Ирина.

– Ну, Виталька, он в Горный потом поступил... Мы в школе с ним так куролесили... – мечтательно закатил глаза муж. – Сколько нервов учителям попортили! А сейчас вот – солидный человек, член правления...

– Что ж ты члена правления одними орехами угощал?

– Да ладно, Ир! Мы ж не скорую руку – так, чисто символически. Посидели, школу вспомнили... Ир, а мы ужинать будем?

– Будем, куда денемся, – Ирина, вздохнув, принялась сгребать со столика остатки коньячного праздника. – Кстати, о школе. Ты в курсе, что наш орел прогулял сегодня уроки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.